

Ольховиков Константин Михайлович**Olkhovikov Konstantin Mikhailovich**

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социологии и технологий
государственного и муниципального управления
Уральского федерального университета

D.Phil., Professor, Sociology and Technology
of State and Municipal Administration
Department, Ural Federal University

Коробейников Антон Геннадьевич**Korobeynikov Anton Gennadyevich**

аспирант кафедры социологии и технологий
государственного и муниципального управления
Уральского федерального университета

PhD student, Sociology and Technology
of State and Municipal Administration
Department, Ural Federal University

КОРНИ АКТУАЛЬНОГО БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ [1]

THE ROOTS OF THE CURRENT FUTURE OF RUSSIAN YOUTH [1]

Аннотация:

Актуальное отношение российской молодежи к будущему, в его связи с культурными преобразованиями, протекающими в современном мире, возможно идентифицировать лишь через понимание еще живых компонентов культурного наследия общества, особенно на фоне глобальной утери связи с традицией и ее десакрализации. Оторванность современной жизни от духовных основ связана в первую очередь с утратой традиции, наполнявшей не только эстетику культурных форм прежних эпох, но и повседневность в ее бытовых проявлениях. Ценностный и смысловой хаос, возникающий неизбежно в случае дефицита оснований, влечет за собой упадок и профанацию человеческой жизни. Адекватным ответом на это может и должен стать возврат к традиции в ее полноценном виде. Выдвигается принципиальная гипотеза о неизбежности соотнесения любых действительных установок понимания будущего с актуальными смыслами и ресурсами традиции.

Ключевые слова:

традиция, неотрадиционализм, молодежь, культура, старообрядчество, идеология, культурные aberrации, российское общество.

Summary:

Current futuristic dispositions of Russian youth in its correlation with the undergoing cultural changes in the world could be identified only through the still alive components of existing cultural legacy in the society, especially in the context of the global loss of tradition and its desacralization. The isolation of modern life from spiritual foundations is primarily associated with the loss of the tradition that has filled both the aesthetics of the cultural forms of previous eras and everyday life in its daily manifestations. Value and semantic chaos, which inevitably arises in the case of a lack of foundations, leads to the decline and profanation of human life. An appropriate response to this can and should be a return to tradition in its full form. The authors put forward a principal hypothesis about inevitable links between any viable comprehension of the future and the current meanings and resources of tradition.

Keywords:

tradition, neo-traditionalism, youth, culture, old orthodoxy, ideology, cultural aberration, Russian society.

Неужели ты не слышал, что дети века мудрее детей дня?
Григорий Саввич Скоровода

Разговор о предметных рамках «идеологических ожиданий» современной российской молодежи актуально размыт. Конституция РФ утверждает, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной» [2], но это не означает, что общество закрыто для какой-либо из них. Идеологический плюрализм можно в некотором смысле считать позитивным показателем, свидетельствующим о развитости общества и отсутствии давления на свободу личности.

При этом следует учитывать принадлежность идеологических феноменов к достаточно широкому ряду культурных ресурсов, связанных с трансляцией и ретрансляцией смыслов и установок деятельности людей, включая их выживание в обществе и в конкретной социальной ситуации. Также следует не упускать из виду «точки возврата» к традиционности и культуре как форме пресуществления ресурсов традиции, что имеет мало общего с идеологией.

Актуально выражены две совершенно противоположные установки позиционирования ресурсов культуры в современных обществах, включая российское: с одной стороны, в массовой коммуникации устойчиво воспроизводится сюжет ностальгии по имперскому, славному и героическому величию, где православие и советское успешно сочетаются в едином порыве, с другой стороны, налицо веяния информационной эпохи, когда престижно быть молодым и успевающим за всеми новинками образа жизни и коммуникации.

Современное российское общество, как и всякое иное, выстроено представителями старших поколений, они же полны ожиданиями «воспитывать» современную российскую молодежь. Станислав Ежи Лец в свое время заметил: «Распространять правду можно было бы устно, для популяризации лжи используется большой аппарат» [3]. Очевидно, что общество, имеющее в своем «культурном коде», о котором сейчас так много говорят [4; 5], пресловутые «духовные скрепы», ясные представления о морали, нравственности, духовности, патриотизме и благородстве, могло бы избежать влияния губительных идеологий и пропаганды, не говоря уже о правде обыденной жизни, перед лицом которой оказалось российское общество после распада СССР. Но если российское общество сегодня стремительно меняется (далеко не всегда в лучшую сторону – о чем ниже в статье), то чего стоили те ценности, которые некогда разделяло живущее сегодня старшее поколение и которые позволяли этому поколению успешно развиваться? И каких норм и идей должно бы то общество придерживаться, когда на данный момент Россия не может дать адекватного ответа вызовам современного мира, современных цивилизационных процессов? Если же традиция и духовность, способные встроиться в российскую действительность, фактически содержатся в сознании некоторой части россиян, то почему они не имеют достаточного распространения в обществе? Кто или что этому мешает? Внешние или же внутренние обстоятельства способствуют этому? И здесь невольно вспоминается фраза Джорджа Оруэлла: «Во времена всеобщей лжи говорить правду – это экстремизм» [6]. Как бы то ни было, ответ традиции, ведущей диалог с человеком с незапамятных времен, можно и нужно искать в опыте не только настоящего, но и прошлого.

Вместе с тем совершенно очевидно, что сегодня и в России нельзя быть лидером общественного мнения, не вписываясь в ритмы информационной эпохи. «Вертикаль власти» охотно ретранслирует себя посредством цивилизационных приемов, имеющих совершенно чужеродное по отношению к отечественным традициям происхождение.

Трудно считать советское общество, которое нередко ставят сегодня в пример молодежи, традиционным и духовным. Советское государство, в большинстве сторон жизни, было настолько чуждым традиционному мировоззрению коренных народов России, что можно назвать его агрессивно-враждебным традиционности. Красный террор 1917–1923 гг., только прямыми жертвами которого стали порядка 1,7 млн человек [7], уничтожение духовного, культурного и исторического наследия и уничтожение генофонда – все это прямо укладывается в мировоззрение и цели руководителей Советского государства и революционеров. Например, В.И. Ленин писал по этому поводу: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [8, с. 190]. Однако стоит отметить и состояние общества того времени, которое приняло такого руководителя и создало его культ еще при жизни. Это изменение духовной ориентации общества началось задолго до трагических революционных событий, как говорил А.И. Солженицын, что не было бы раскола 17-го века не было бы революции 17-го года, и с этим трудно не согласиться [9]. Попытка определения начала и причин духовного искажения традиции и культуры в русской истории – тема отдельного исследования. Мы же отметим, что семена губительных идей большевиков (не только приведших к братоубийственной гражданской войне, но и, с точки зрения традиции, лишивших поколения советских людей своей традиционной национальной, территориальной, религиозной идентичности) были брошены в благодатную почву, которая подготавливалась многим задолго до падения Российской империи.

Может ли в таком случае советская ментальность быть ориентиром и примером традиционности и духовности для нынешних поколений? Вопрос, мягко говоря, спорный и также требует отдельного обсуждения. Наиболее естественным в этом случае видится обращение к традиции и ее приложению к нынешней действительности в виде неотрадиционализма. Вместе с тем именно здесь также возникают и существенные оговорки относительно нашей принципиальной способности обращения к культурной традиции. Здесь следует сказать о неестественности и неэффективности тех мер, которыми сегодня в большей части воспитывается молодежь. Сама идея развития нравственных и духовных ценностей, привития чувства любви к Родине, уважения к обществу посредством государственных программ и концепций оказывается попыткой низведения метафизических, сакральных истин и понятий до уровня политических программ и проектов в светском государстве, противоречит любым внятным представлениям о традиционности. И такой подход может только усугубить и без того непростые отношения общества и государства в современной России.

Сегодня молодежь в России стоит перед лицом тех же вопросов, которые ставит жизнь и перед старшими поколениями. Современность последних лет оголила причину социальных, экономических и политических кризисов – это, без сомнения, мировоззрение человека, его взаимоотношения с миром. Если эпоха модерна еще недавно объясняла, насколько это было возможно,

необходимость научного прогресса, важность развития общественных прав и свобод, человек эпохи постмодерна оказался лишенным ответов на вопросы, без которых теряется ориентация в смыслобытийном пространстве. Если ранее споры и разночтения могли возникнуть в вопросе «Почему и для чего живет человек?», то теперь на повестку выносятся вопросы «Почему и для чего человек – человек?». Свобода от какой бы то ни было идентификации, определенности и условности вполне доминирует на фоне умалчивания о том факте, что свобода иногда приводит к краху. Современный человек страдает не от отсутствия свободы, а от неспособности понять собственную ситуацию в терминах сущности.

Следует вспомнить, что аутентичная традиционная свобода – органичное продолжение человеческого самоопределения и его выражение в социальных связях. Традиционное общество дышало осознанием этого понимания, чем и открывало максимы самоосмысления, вполне критичной рефлексии.

Традиция как таковая всегда означает множество вопросов, а желание скорейшего получения простейших ответов оборачивается неготовностью к вопросам как таковым. Вместе с тем обращение к традиции неизбежно, без этого ускользает от собственного внимания и современный человек. Общество способно к возрождению в традиции до той поры, пока оно живо и существует, как и традиция способна к взаимодействию с настоящим по мере саморазвития общества посредством собственных культурных смыслов.

Говоря более конкретно, любые «традиции» естественным образом вырастают из наиболее глубокой религиозной традиции. Именно традиция составляет органическую модель перетекания религии в энергии культурных инициатив. Они являются продуктами конкретного проекта бытия, растущего из прошлого. В этом смысле даже специфический тип ведения хозяйства и экономическое устройство являются отражением не только конкретной цивилизационной, но и религиозной традиции, как это убедительно показывал Макс Вебер [10]. Наиболее заметно влияние тех или иных религиозных верований на феномены меценатства и благотворительности, также очевидно влияние протестантизма на формирование капиталистического устройства экономики, а старообрядчества – на способ организации деятельности русских промышленников, купцов и т. д.

Традиция не только ретранслирует опыт сакральности, заведомо не принадлежащий человеку, но и агрегирует великое множество частных опытов и внутренних интенций в единое поле. Всякий более-менее серьезный успех в той или иной области есть результат деятельности множества индивидов. И даже гении-одиночки в этом смысле являются продуктом среды, из которой они вышли. Именно традиция дает людям разных эпох возможность встретиться в своем вневременном пространстве, пространстве трансцендентности, и говорить одним языком – языком традиции.

Существует ряд достаточно широко принятых толкований традиции, а именно: 1) традиция как образ жизни, характерный для определенной эпохи или периода; 2) традиция в качестве архетипического мифа; 3) традиция как совокупность базисных религиозных принципов; 4) традиция как историческая память (или совокупность всего опыта прошлого); 5) традиция как способ поддержания и организации религиозных учений, догм и школ мысли.

Отталкиваясь от этих ориентиров говорить о **неотрадиционализме** как о попытке воспроизведения практических, осязаемых проявлений традиций в условиях современного мира становится рискованным занятием. Очевидно, неотрадиционализм в таком случае не является закономерным выражением традиции, скорее, традиционализм и неотрадиционализм – явления модерна, явления, призванные для рефлексии традиции с целью ее представления тем, кто к ней не принадлежит, кто не вписан в нее, не проживает ее и не стремится проявлять традицию в мир посредством собственных действий. Оба эти феномена (традиционализм и неотрадиционализм) чужды традиции и не могут быть гармонизированы с ней. Традиция самодостаточна и рождение двух вышеназванных феноменов является не необходимым, а избыточным порождением модерна, в период наибольшей утраты связи с традицией.

Неспособность нахождения адекватных ответов в недавнем прошлом и неэффективность применяемых мер по разрешению насущных задач в современной России вновь и вновь наталкивают на необходимость поиска более глубоких, тонких решений. Новаторство, не имеющее сакральной связи с традицией, во многом и порождает имеющиеся проблемы, поэтому не может рассматриваться в качестве приемлемого решения. Население, в особенности молодежь, чувствуя это, подсознательно не принимает и отвергает информационный шум времени, выражаемый в политических манифестациях взамен раздражения, к которым начинает вырабатываться стойкий социальный иммунитет. Молодежь ведет себя так, а не иначе по вполне понятным причинам – актуальная публичная жизнь не дает ей необходимых ответов, не говорит с ней о главном. Но не только сфера духовного и сакрального сегодня имеет проблемы – они есть и в ряде самых примитивных обыденных сфер жизни.

Процессы, происходящие в среде современной российской молодежи противоречивы и неоднозначны настолько же, насколько противоречива и неоднозначна жизнь современной России. Молодежь за последние несколько лет стала более восприимчивой к социально-групповым изменениям. Это выражается в первую очередь в изменении политических установок публичного поведения молодых людей. Социальная активность молодежи зиждется на понятности некоторых ценностных ожиданий и установок, терминальная часть которых остается общей для различных поколений, а инструментальная часть символизирует преобладающий в молодежной среде прагматизм [11].

Трудности, с которыми сталкивается российская молодежь на сегодняшний день, по большей части должны бы были объяснять востребованность прагматичного отношения к жизни. В целом эту картину отражают различные федеральные опросы. Так, в исследовании «Молодежный протест: причины и потенциал», проведенном Центром экономических и политических реформ, приняли участие молодые люди от 16 до 24 лет из 30 населенных пунктов России. В результате исследования были выявлены наиболее распространенные проблемы, с которыми сталкивается молодежь: сложности с получением доступного и качественного образования, поиском работы, обретением экономической независимости, покупкой и арендой жилья, созданием на основе самостоятельного социально-экономического статуса собственной семьи [12]. Россия, большую часть доходов которой составляют доходы от экспорта природных ресурсов, не может в полной мере обеспечить себя даже продуктами питания, не говоря уже высокотехнологичных товарах [13]. Трудно увидеть специфику молодежи в меркантильности в ситуации, когда почти половине населения страны имеющихся доходов хватает лишь на покупку еды и одежды [14], а закредитованность населения бьет рекорды год от года [15].

Обозначенное ухудшение экономической ситуации в стране неизбежно оказывает негативное влияние на рождаемость и численность населения. Так, по данным Росстата, население в стране сократилось на 93,5 тыс. человек по итогам 2018 г. Рождаемость сократилась в 83 из 85 субъектов РФ. Сократившийся миграционный приток компенсировал лишь 57,2 % естественной убыли населения. В среднем смертность превышает рождаемость на 13,7 % [16]. Отчасти эта ситуация объясняется демографической ямой 1990-х, из-за которой в стране просто не хватает молодежи репродуктивного возраста, однако гораздо большее влияние оказывает экономическая неустроенность. В период с 2006 по 2016 г. доля молодых людей в общем населении России сократилась с 27,3 до 21,5 %. В абсолютных цифрах численность российской молодежи за десятилетие сократилась с 39 до 31,5 млн человек [17]. Еще печальнее, что такая тенденция имеет обоюдную зависимость: снижение численности населения ведет к снижению потребления товаров и услуг, что, в свою очередь, ухудшает показатели предприятий и еще сильнее снижает уровень жизни. Таким образом, очевидно, что через поколение Россию ждет новая демографическая яма. Рост социальной нагрузки на молодежь, вызванный снижением ее численности, и не только этим, усугубляет обозначенные проблемы.

Закономерны вопросы: является ли изобретение традиции [18] актуальной задачей для российского общества и каковы смысловые контуры этой задачи для современной российской молодежи? Мы настаиваем, что российская ситуация простирается значительно шире культурной экзотики. Хотя объяснить особенности древлеправославия лишь приверженностью к «старому стилю» было бы чересчур поверхностным. Однако старообрядчество имеет множество аспектов и измерений духовного влияния, превращающих его в ключ к пониманию подлинных процессов исканий культурных смыслов, равно как и их адаптивной трансформации в современном российском обществе при активном участии молодых людей, живущих полноценной жизнью в различных профессиональных сферах и предметных областях бытования жизненного мира человека.

Трагичность церковного раскола XVII в. трудно переоценить, и желающим разобраться в культуре и истории русского народа еще предстоит вникнуть в важность этого, по нашему мнению, катастрофического по своим последствиям события. Писатель Д.А. Урушев в своей книге «Русское старообрядчество: традиции, история, культура» высказывается по этому поводу таким образом: «Также можно утверждать, что история российская – есть история православия. Но эта история непонятна и неполна без истории старообрядчества. Бедствия русского народа в наши дни необъяснимы без изучения церковного раскола в XVII веке» [19].

И сегодня вполне ощутимо церковный раскол, случившийся более трехсот пятидесяти лет назад, так или иначе повлиял на множество последующих событий вплоть до наших дней – прежде всего в плане понимания ментальности русского народа и его способности входить в катастрофу.

Мы не будем обосновывать и показывать историческую и каноническую правоту старообрядчества в рамках данной статьи, поскольку нас интересуют иные вопросы, однако отметим только то, что клятвы 1656–1667 гг., наложенные на старые обряды, единственно приемлемые в старообрядческой традиции, были отменены Священным синодом РПЦ в 1929 г., а Поместный

собор 1971 г. утвердил эти решения. Таким образом, правота старообрядчества была признана и его первоначальными гонителями, инициаторами церковных реформ XVII в. Чудовищная ошибка (детали и задачи которой можно характеризовать как намеренную диверсию), нанесящая колоссальный урон культуре и духовному самосознанию народа, остается в истории не освещенной должным образом до сих пор.

Глобализационные процессы сегодня унифицируют повседневную реальность человека, размывая социокультурное и духовное многообразие. Смешение культур, попытка совмещения несовместимого, смысловая контаминация восприятия действительности в сегодняшнем виде приводят не к обогащению, а как раз, напротив, к выхолащиванию подлинно традиционного, выросшего в течение многовекового опыта, и замене его суррогатом эклектичности и нетрадиционности. Общество постмодерна, в отличие от общества традиционного, общества премодерна, лишено смысловых ориентиров, без которых любое созидательное полноценное развитие становится проблематичным.

Обществу, вписанному в рамки секулярности, предстоит еще переосмыслить многое и научиться восприятию самых элементарных бытовых проявлений традиционности. В этой связи не стоит воспринимать старообрядчество, религиозно-духовную традицию как угрозу для современного человека, не привыкшего к какой-либо регламентированности, помимо светского законодательства. Традиция в своем подлинном наследовании ненасильственна и деликатна. Традиция ненавязчива в силу своей сопряженности с сакральным и соотносительности с вечным. Человек нуждается в традиции, но и вправе рассчитывать на «встречное движение». Человек приходит к традиции, и принятие традиции в его смысловытийную сферу происходит по мере желаний и возможности конкретного индивида.

Старообрядческая традиция – неотъемлемая, естественная основа русской истории, русского коллективного бессознательного, искомого культурного кода. Возвращение к истоку традиции – не есть спад в развитии и декадентство, но принятие своего естества и обретение необходимого вектора развития. Социум, состоящий из мыслящих свободных индивидов, оторванных от традиции, становится не более чем безликой толпой, массой, представители которой, по словам Хосе Ортега-и-Гассета, «ни в добре, ни в зле не меряют себя особой мерой», «плывут по течению и лишены ориентиров» [20]. И такой народ стремительно становится расходным материалом истории, отказавшись от своей высшей роли. Русский мыслитель Василий Розанов описывал красноречиво современные ему события: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. Даже “Новое время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая “Великого переселения народов”. Там была – эпоха, “два или три века”. Здесь – три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего. Остался подлый народ...» [21].

Розанов называет «подлым», считает самопроклятым современный народ в воззрениях древних. Отвернуться от собственного прошлого не означает аннулировать его и, тем более, исправить. Историческая правда требует взгляда в глаза, решимости и честности, прежде всего перед самим собой. Бегство от своих ошибок, трусости, нерешительности и глупости, как водится, порождает еще большие ошибки, трусость, нерешительность и глупость. Именно поэтому современный человек, лишенный традиции и от этого имеющий в глубине своей зияющую пустоту, так решительно стремится заполнить ее – бросается на поиски ответов *вовне*, забывая или не понимая, что несет это неудобное чувство *внутри* себя, и, куда естество его остается искалеченным и неполным, все попытки поиска сторонних заместителей внутренней полноты будут лишь средством одурачивания себя. Главный герой фильма Андрея Тарковского «Сталкер» в одном из своих монологов отмечает эту особенность: «...и пусть посмеются над своими страстями; ведь то, что они называют страстью, на самом деле не душевная энергия, а лишь трение между душой и внешним миром...». «Трение души о внешний мир», выражающееся в псевдозначимой деятельности среднестатистического человека наших дней, на самом деле средство оправдания своей запутанности, слабости и отсутствия связи с по-настоящему стоящим.

Чилийский философ Дарио Салас Соммер в книге «Мораль XXI века» так описывает это различие: «Сущность завершеного и посредственного человека едина по своей природе, но у посредственного она значительно меньше. Обладая драгоценной жемчужиной духа, он предпочитает вместо самосовершенствования тратить зря свою энергию на погоню за разнообразными фантазиями и иллюзиями. В поте лица он зарабатывает свой хлеб, но не борется за возвращение к своим истокам и *осознание* своей сущности.

Как нибелунги, дети тумана, мы обладаем сокровищем, которым не можем воспользоваться, и только Зигфриду удастся добыть его с помощью меча своей воли. Зигфрид – символ

человека, которому надоело быть “мостом”, и он принял непреклонное решение достичь совершенства, чтобы соединиться со своей сущностью» [22].

Человек постмодерна стоит перед объективно зримым несовершенством и губительностью выстраиваемого им мира. Польза от плодов прогресса и достижений, получаемых сегодня, во многом сомнительна. Можно было бы возразить, приведя в качестве оправдания уровень образованности и интеллекта современного человека, но и это теперь под сомнением, учитывая, что интеллект приводит к негативным последствиям. В каждом протесте, в каждом социальном конфликте и случае недовольства сквозят эти высказанные в общественном дискурсе вопросы достоверности предпосылок сложившейся социальной ситуации, ее культурных корней.

Таким образом, современная российская молодежь, тотально вовлеченная в процессы текущего университетского образования, интуитивно воспроизводит наивные, спонтанные и непоследовательные попытки проецирования будущего, фактически захватывая все вышеперечисленные грани и свойства неотрадиционализма, существенно отличающегося от традиции в данном случае тем, что в нем отсутствует достаточно внятная рефлексия. Так, в результате проведенных исследований студенчества и молодежи в Уральском федеральном университете (в рамках проекта «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала», опрос проводился в мае – сентябре 2018 г., 1050 респондентов) мы видим, что на вопрос: «*Оцените, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены следующими аспектами Вашей жизни: Своим образованием...*» – молодые люди из 6 регионов РФ, ставшие респондентами, в целом положительно оценивают образование – по шкале оценки от 1 до 5, результаты ответов следующие: 1 – 2,6 %, 2 – 6,9 %, 3 – 22,6 %, 4 – 39,9 %, 5 – 28,0 % (суммарно последние две оценки – 67,9 %). Однако при этом, по данным опроса [Исследовательского центра портала Superjob.ru](#), 64 % респондентов отметили еще в 2015 г., что качество современного школьного образования хуже, чем 10 лет назад [23]. Также, согласно исследованию, проведенному ВЦИОМ, 72 % респондентов считают, что школьных знаний не хватает для того, чтобы получить на ЕГЭ баллы, позволяющие поступить в желаемый вуз или сузу [24], и 91 % работодателей отмечают недостаток практических навыков у выпускников российских вузов [25]. Помимо этого, 77 % респондентов ВЦИОМ в ходе исследования 2018 г. заявили, что после введения системы ЕГЭ учащихся натаскивают только на прохождение тестов, в связи с чем ухудшается качество знаний [26]. Различия в восприятии и оценках качества современного образования в РФ объясняется невозможностью для молодежи сравнения современной образовательной системы с прошлой и говорит, помимо прочего, об отсутствии у молодежи примеров, какие есть у представителей старшего поколения, действительно качественного образования, что объясняется упадком в системе высшего и среднего отечественного образования.

Таким образом, сегодня можно говорить о наследовании российской молодежью поведенческих паттернов, характерных для общества прошлых лет. Это неудивительно, современные молодые люди – это дети своих родителей. Вместе с тем некоторый слом/отклонение состояния ментальности современного российского общества указывает на объективные трансформации, протекающие сегодня под влиянием по большей части внешних глобальных вызовов. Причужденность форм, которые приобретает поведение россиян в поисках традиции и вместе с ней ответа на вопросы современности, во многом объясняется отсутствием внятных ориентиров в социальной действительности.

Итак, разрешение имеющихся на сегодняшний день вопросов требует комплексного концептуального решения. Традиция не может служить инструментом решения каких-то отдельных проблем, но и не отменяет необходимости совершенствования имеющихся средств государственной молодежной политики, проведения реформ в социальной и экономической сферах, параллельно поиску «точек возврата» к аутентичной культурной идентичности русской нации. Мы отметили значимость парадигмального поиска традиционных ресурсов культуры взамен поверхностных имитаций и именно в связи с той смысловой связью, которая отражается в исследованиях актуальных будущностных установок современной российской молодежи.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта № 18-011-00907\18.
2. Статья 13 Конституции РФ [Электронный ресурс] // Конституция РФ. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-1/st-13-krf> (дата обращения: 14.07.2019).
3. Лец С.Е. Почти все / пер. с пол. В. Россельца, Е. Фридмана. Екатеринбург ; М., 2009. 764 с.
4. Замахина Т. Сила внутри нас. Владимир Путин назвал генетический и культурный код россиян [Электронный ресурс] // Российская газета. 2017. № 254 (7420). 9 нояб. URL: <https://rg.ru/2017/11/09/vladimir-putin-nazval-geneticheskij-i-kulturnyj-kod-rossiian.html> (дата обращения: 06.08.2019).

5. Путин рассказал о культурном коде россиян, который обогащается из поколения в поколение [Электронный ресурс] // ТАСС. 2018. 6 апр. URL: <https://tass.ru/kultura/5101594> (дата обращения: 06.08.2019).
6. Оруэлл Джордж – цитаты, афоризмы, высказывания, фразы [Электронный ресурс]. URL: <http://aphorism-citation.ru/index/0-711> (дата обращения: 24.08.2019).
7. Чичерюкин-Мейнгардт В. Г. Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков [Электронный ресурс] // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: <http://swolkov.org/doc/kt/pre.htm> (дата обращения: 15.07.2019).
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 45. М., 1970. 730 с.
9. Солженицын о расколе 17-го века [Электронный ресурс]. URL: <https://embedy.cc/movies/dHdEbXIOVyt1QWJFaHpNM-GUrUw0WwThTjFCT1IjeFdpckFzZUVWbDVHST0> (дата обращения: 23.08.2019).
10. Вебер М.: 1) Протестантская этика и дух капитализма / пер.: М.Л. Левина, П.П. Гайдено, А.Ф. Филиппов. 3-е изд. М., 2016. 649 с. ; 2) Хозяйственная этика мировых религий. Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм / пер. с нем. и предисл. О.В. Кильдюшова. М., 2017. 446 с.
11. Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко ; ред.-сост. Д.Т. Цибилова. М., 2018. С. 212–219.
12. Молодежный протест: причины и потенциал. Условия жизни и мироощущение российской молодежи [Электронный ресурс] // Центр экономических и политических реформ. URL: http://cepr.ru/wp-content/uploads/2017/05/Молодежный-протест_причины-и-потенциал.pdf (дата обращения: 23.08.2019).
13. Экспорт из России // RU-stat. Экспорт и импорт России по товарам и странам [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-stat.com/date-M201804-201904/RU/export/world> (дата обращения: 15.07.2019).
14. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств [Электронный ресурс] : статистический бюллетень // Федеральная служба государственной статистики : сайт. М., 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (дата обращения: 15.07.2019).
15. Бедные россияне берут все больше кредитов. Центробанк обеспокоен [Электронный ресурс] // BBC. News. Русская служба. 2019. 9 апр. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47868541> (дата обращения: 16.07.2019).
16. Информация о социально-экономическом положении России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140087276688 (дата обращения: 14.07.2019).
17. Молодежный протест: причины и потенциал ...
18. *The Invention of Tradition* / ed. by E.J. Hobsbawm, T.O. Ranger. Cambridge, UK, 1983. 320 p.
19. Урушев Д.А. Русское старообрядчество: традиции, история, культура. М., 2016. 350 с.
20. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. М., 2016. 253 с.
21. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 2015. 634 с.
22. Соммер Д.С. Мораль XXI века : пер. с исп. М., 2007. 445 с.
23. 64 % россиян считают, что школьное образование в России сейчас хуже, чем было 10 лет назад [Электронный ресурс] // Исследовательский центр портала SuperJob.ru. 2015. 27 авг. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/111844/64/> (дата обращения: 17.07.2019).
24. Школьное образование: оценка россиян [Электронный ресурс] : выпуск ВЦИОМ № 3747 // ВЦИОМ. 2018. 29 авг. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9276> (дата обращения: 15.07.2019).
25. Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать [Электронный ресурс] : выпуск ВЦИОМ № 3152 // Там же. 2016. 13 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775> (дата обращения: 17.07.2019).
26. ЕГЭ-2018: общественная оценка [Электронный ресурс] : выпуск ВЦИОМ № 3705 // Там же. 2018. 5 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9195> (дата обращения: 16.07.2019).

References:

- Chicherkin-Meingardt, VG 2019, 'Special Commission of Inquiry to Investigate the Atrocities of the Bolsheviks', *Sait istorika Sergeya Vladimirovicha Volkova*, viewed 15 July 2019, <<http://swolkov.org/doc/kt/pre.htm>>, (in Russian).
- Hobsbawm, EJ & Ranger, TO (eds) 1983, *The Invention of Tradition*, Cambridge, UK, 320 p.
- Lenin, VI 1970, *Complete Works*, 5th ed., vol. 45, Moscow, 730 p., (in Russian).
- Lec, SE, Rosselets, V & Friedman, E (trans.) 2009, *Almost Everything*, Ekaterinburg, Moscow, 764 p., (in Russian).
- Ortega y Gasset, J & Geleskul, A (trans.) 2016, *The Revolt of the Masses*, Moscow, 253 p., (in Russian).
- Rozanov, VV 2015, *Apocalypse of Our Time*, Moscow, 634 p., (in Russian).
- Sommer, DS 2007, *Morals for XXI Century*, Moscow, 445 p., (in Russian).
- Urushev, DA 2016, *Russian Old Believers: Traditions, History, Culture*, Moscow, 350 p., (in Russian).
- Weber, M, Levina, ML, Gaydenko, PP & Filippov, AF (trans.) 2016, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, 3rd ed., Moscow, 649 p., (in Russian).
- Weber, M & Kildyushov, OV (ed. and introd.) 2017, *Economic Ethic of the World Religions. Experiments in Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism*, Moscow, 446 p., (in Russian).
- Yakovleva, MN 2018, 'Dynamics of Value Orientations of Modern Youth', in ZhT Toshchenko (ed.) & DT Tsibikov (ed. and comp.), *The Meaning of Life of the Russian Intelligentsia*, Moscow, pp. 212-219, (in Russian).
- Zamakhina, T 2017, 'Power is Inside Us. Vladimir Putin Called the Genetic and Cultural Code of the Russians', *Rossiyskaya gazeta*, no. 254 (7420), November 9, viewed 06 August 2019, <<https://rg.ru/2017/11/09/vladimir-putin-nazval-geneticheskij-i-kulturnyj-kod-rossiiian.html>>, (in Russian).